

**РОССИЯ
В ПЕРЕЛОМНЫЙ
МОМЕНТ
ИСТОРИИ**

**Питер
Флеминг**

СУДЬБА АДМИРАЛА КОЛТАКА

1917 — 1920

Питер Флеминг Судьба адмирала Колчака. 1917-1920

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617235

Судьба адмирала Колчака. 1917–1920: Центрполиграф; М.; 2006

ISBN 5-9524-2530-5

Аннотация

Книга Питера Флеминга – это попытка серьезного и объективного исследования событий, происходивших в Сибири после революции. Приняв крест власти, адмирал Колчак стал Верховным правителем России в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного упадка государственной системы. Колчак был предательски выдан большевикам союзным командованием по распоряжению французского генерала Жанена. По приговору революционного суда в феврале 1920 года адмирал был расстрелян.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	10
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Питер Флеминг

Судьба адмирала

Колчака. 1917–1920

Эта книга – история неудач и поражений, в которой войска под командованием адмирала Колчака выглядят весьма неприглядно, однако необходимо отметить, что в их рядах сражалось немало храбрецов.

Я посвящаю сей труд ПЕТРУ СЕРГЕЕВИЧУ БОРОДИШИНУ, бывшему сержанту одной из сибирских армий.

Этот смелый, стойкий и находчивый человек долгие годы прожил в изгнании и одиночестве на болотистой северо-восточной окраине Тибета. В 1935 году он оказал неоценимую помощь двум юношам, затеявшим опасное путешествие. В последний раз они видели его, когда он отправился в обратный путь верхом на верблюде, посасывая свою неизменную длинную китайскую курительную трубку и окидывая пустынные окрестности печальным взглядом. Два года спустя Бородин был убит бандитами. Я вспоминаю его с благодарностью и глубочайшим уважением.

Предисловие

Интерес к событиям, описанным на этих страницах, зародился у меня осенью 1931 года, когда в возрасте двадцати четырех лет мне довелось впервые проехать по Транссибирской магистрали. Тогда я очень мало знал о Гражданской войне, закончившейся десятью годами ранее, однако, замечая остатки заграждений из колючей проволоки на подступах к большинству мостов и следы пуль на стенах станционных зданий, я начинал размышлять о сражениях, оставивших эти едва заметные следы в глухих уголках огромной безлюдной территории.

В последующие годы я подолгу жил в Маньчжурии и отдаленных районах Северного и Северо-Западного Китая, где слышал – зачастую от непосредственных участников – множество рассказов о Гражданской войне в Сибири. Мало-помалу в душе моей зарождался интерес к центральному действующему лицу тех печальных событий – адмиралу Колчаку. Не только русские белогвардейцы, но и жившие там европейцы почти неизменно говорили о нем с уважением и восхищением. Почему же тогда его миссия провалилась с таким треском? И что же в действительности привело его к бесславному концу? Предательство, как утверждало большинство? А если предательство, то чье? И каковы его причины? И при чем тут железнодорожный состав с золотыми слитка-

ми, фигурировавший во всех версиях этой истории?

В 1960 году что-то (я сейчас не могу вспомнить, что именно) оживило мое дремлющее любопытство. На мое объявление в «Таймс» откликнулся сын адмирала, который во время смерти отца был еще ребенком. Я – в четвертый раз – проехал по Транссибирской железной дороге до Иркутска, где погиб Колчак. В Англии и Франции я нашел людей, живших в Сибири во время Гражданской войны. Я взялся за изучение обширной литературы, разъяснявшей, дополнявшей или – как некоторые советские и белогвардейские источники – искажавшей реальную картину того, что случилось с человеком, чуть более года именовавшимся «верховным правителем России». Результаты моих трудов вы найдете в этой книге.

Политическая обстановка в тот период была сложной. Сибирь оказалась всего лишь одним из полудюжины российских театров военных действий, где Антанта осуществила интервенцию – но вовсе не в результате согласованной политики. Все страны Антанты и их союзники действовали исходя из собственных побуждений. Надежды, страхи и заблуждения, определявшие их мотивы, никогда подолгу не оставались постоянными, поскольку расстановка сил за пределами России то и дело стремительно менялась, нарушая связи и опрокидывая предположения – в большинстве своем необоснованные, – на которых строились планы стратегов

Антанты.

Ход истории стал напоминать человека, завязшего в болоте. Выбираться необходимо, но стоит осторожно ступить вроде бы на твердую кочку, а в данном случае опереться на кажущийся неопровержимым факт, как факт превращается в иллюзию, словно почва, уходящая из-под ног. Трясина вздымается, выпуская отвлекающие внимание пузырьки. Так и историк тех событий, проворно перескакивающий на очередную «кочку» фактов, обнаруживает, что и она не в силах выдержать груза истины. В конце концов бедняга, совершавший все эти гимнастические упражнения в надежде объяснить происхождение пузырьков и значение колебаний, прибывает на сибирскую *terrafirma* (твердую землю) совершенно измученный. Как утверждает Джордж Ф. Кеннан, «любой, кто пытается вкратце изложить реальные причины сибирской интервенции, возлагает на себя почти невыполнимую задачу».

Я попытался как можно быстрее провести читателя через таинственное болото, с такой впечатляющей тщательностью нанесенное на карту истории другими авторами и, особенно, мистером Кеннаном. То, что говорилось, замышлялось и свершалось в столицах стран Антанты версальскими подстрекателями войны, а позже парижскими миротворцами, представляет завораживающий образчик международных отношений. Однако следует отметить, что стратегия союзников, хотя и играла важную роль в расстановке декора-

ций и постановке драмы на сибирской сцене, весьма мало повлияла на манеру исполнения занятых в спектакле актеров.

В Сибири не гремели генеральные сражения, не сходились в смертельной схватке мощные кавалерийские корпуса, попеременно приносившие успех то белым, то красным в Южной России. Военные кампании Колчака не представляют особого интереса, и я не останавливаюсь на них подробно. Эта книга также не является попыткой рассказать о том, что происходило в лагере его врагов. Даже краткое изложение тягот и успехов советского правительства за тот период перегрузило бы книгу и нарушило хронологическое изложение событий, к коим деятельность Кремля имеет лишь косвенное отношение. Однако я не пренебрег описанием самых значимых военных действий 5-й армии красных и партизан.

Моя главная цель обозначена в заглавии этой книги. Я хотел с максимально возможной точностью выяснить обстоятельства поражения Колчака, предательства, с которым ему пришлось столкнуться, и его смерти. Думаю, я могу утверждать, что мне это удалось. Меньше уверен я в том, что сумел дать полное представление о загадочной и противоречивой натуре Колчака, на удивление не соответствующей сложившемуся представлению о «русском характере». Колчак-человек и Колчак-диктатор – словно Джекил и Хайд, добро и зло в одном и том же человеке. Колчак-человек был честен и благороден до донкихотства – диктатор стоял во главе коррупционной и варварской государственной систе-

мы. Человек был рожден командовать – диктатор оказался неспособным осуществлять единоличную власть. Человек вызывал доверие и уважение – диктатор – неповиновение и ненависть. Я сделал все возможное, дабы решить проблемы, вызванные этими противоречиями, но и сейчас, как тридцать лет назад, адмирал Колчак для меня загадка.

Питер Флеминг

Нетлбед, Оксфордшир,

Апрель, 1963

Глава 1

Челябинский инцидент

Ранним утром 14 мая 1918 года в Челябинск, небольшой тогда городок, расположенный там, где Транссибирская железная дорога вырывается из предгорий Урала на обширную Сибирскую равнину, прибыл поезд с востока. Его вагоны были битком набиты австрийскими и венгерскими военнопленными из Сибири, подлежащими репатриации по условиям Брестского мира, который двумя месяцами ранее советское правительство вынужденно заключило с Германией и ее союзниками. В эшелоне не было ни русской охраны, ни австрийских или венгерских офицеров.

Через тот же челябинский вокзал, но только в обратном направлении прошло несколько поездов с солдатами 3-го и большей части 6-го полков Чехословацкого корпуса. У этих людей, в последнее время перевозимых на восток, не было гражданства, поскольку их родная Богемия все еще являлась частью империи Габсбургов. Однако в феврале большевистская власть объявила их автономной частью чехословацкой армии во Франции¹ и отправила во Владивосток. Оттуда, по

¹ По численности эта «армия» составляла примерно одну бригаду. Еще одна бригада в тот же период формировалась на Итальянском фронте. Оба соединения принимали участие в боевых действиях в последние недели войны, закончившейся в ноябре 1918 г. (Здесь и далее примеч. авт., кроме особо оговоренных

решению Верховного военного совета союзников, им предстояло отправиться вокруг света на укрепление Западного фронта, еле выдерживавшего давление Германии.

Чехословацкие эшелоны в Челябинске были одним из звеньев разорванной цепи, с большими интервалами протянувшейся на 8 тысяч километров от Волги до Тихого океана. На железнодорожных путях находилось шесть или семь десятков поездов (впоследствии это число удвоилось). Первые эшелоны уже достигли Владивостока, но движение замыкающих замедлилось и стало непредсказуемым, а в конце апреля фактически остановилось.

Пассажиры поездов, встретившихся в Челябинске, не питали взаимных дружеских чувств. Возвращавшиеся военнопленные считали чехов² предателями, поскольку многие из них были дезертирами или при первой же возможности сдались царским войскам, а чехи видели в австрийцах и венграх ненавистную *расу господ*, олицетворявшую тиранию, от которой они жаждали избавиться. Более же близким поводом к раздражению чехов являлось то, что эшелоны с военнопленными, и так, к их зависти, направлявшимися домой, пропускались железнодорожниками в первую очередь. Германия, обеспокоенная слухами о намерении Японии оккупировать Сибирь, настаивала на немедленной эвакуации военноплен-

случаев.)

² Здесь и далее словами «чехи», «чешский» обозначаются, как правило, и чехи, и словаки. Так говорили и писали и во время излагаемых в книге событий. (Примеч. ред.)

ных из этого региона. Перевозка пленных по железной дороге, перегруженной и до революции, а теперь совершенно дезорганизованной, и была одной из причин задержки эшелонов с чехами. Для обеих групп, озлобленных простоями, неопределенностью и лишениями, встреча на челябинском вокзале таила опасности.

На протяжении войны в России обращались с пленными часто весьма бестолково и потрясающе некомпетентно, и, когда те жаловались на голод, чехи и словаки, по натуре не воинственные, делились с ними своими пайками.

Несмотря на это, многие из прибывших на станцию австрийцев и венгров вели себя надменно и оскорбительно, и, когда поздним утром просвистел свисток, они вернулись в вагоны разозленные. Как только поезд медленно тронулся с места, кто-то из находившихся в последнем вагоне выкрикнул грязное ругательство на венгерском языке, прекрасно понятное словаками, и швырнул крупный обломок чугунной печки в группу чешских солдат — один из них упал на землю, из раны на голове хлынула кровь.

Это переполнило чашу терпения чехов. Они вскарабкались на локомотив, остановили не успевший набрать скорость поезд, высадили из последних трех вагонов человек семьдесят или восемьдесят и потребовали назвать виновника, которого никто из стоявших на платформе не разглядел. Поначалу австро-венгры отказались, но чехи угрожали оружием, а у военнопленных, более всего желавших продолжить

путь к свободе, не было времени проявлять героизм. Провинившегося венгра выдали, и чехи повесили его на месте, а поезд, нутужно пыхтя, двинулся к Уралу.

На протяжении весны 1918 года по разным причинам хладнокровно или сгоряча было жестоко истреблено множество людей. На Западном фронте немцы, французы, британцы и американцы убивали друг друга десятками тысяч. Военные действия не утихали на Итальянском фронте. В России, хотя террор еще не разгулялся, человеческая жизнь ценилась дешево. Однако во всей этой бойне никакая другая смерть одного-единственного человека не имела таких далеко идущих последствий, как смерть венгра, скоропалительно казненного на далекой сибирской станции, ибо, как сформулировано в одном из авторитетных источников, «эта малоизвестная ссора... была той искрой, из которой разгорелось пламя Гражданской войны на бескрайних просторах России».

Местные представители советской власти, запоздало прибывшие на место происшествия с отрядом Красной гвардии, объявили о создании комиссии по расследованию инцидента и, после неизбежных споров, нескольких чехов, как свидетелей, забрали в город, находившийся в то время примерно в 5 километрах от станции. Два дня об этих людях ничего не знали, и в Челябинск отправилась делегация под руководством чешского офицера, чтобы потребовать их освобождения, но за все свои хлопоты делегация была арестована и от-

правлена в тюрьму.

Чехи знали, что позиции большевиков в регионе весьма шатки, и, хотя челябинский гарнизон насчитывал около двух тысяч человек, власти не были уверены в его поведении в критический момент. Чешское командование решило действовать нагло, и в центр города вошли два батальона, для вооружения которых были использованы все имевшиеся у чехов ресурсы.

Наглость себя оправдала. Власти выпустили задержанных и принесли извинения, но заявили, что заведенное дело будет направлено в Москву. Тем временем поезда с чехами все еще стояли на запасных путях. Теперь речь шла не о том, когда они будут отправлены, а будет ли им вообще позволено двигаться на восток. Чем жарче пригревало майское солнце, тем сильнее сожалели застрявшие в Челябинске чехи о том, что по прибытии не разместили отхожие места подальше от поездов.

История и статус (в 1918 году первая была коротка, а второй – неокончательно оформлен) чехословацкого национального движения будут представлены в одной из последующих глав. Сейчас же достаточно отметить, что к середине мая 1918 года множились признаки того, что по ряду причин советское правительство раскаивалось в своем решении позволить Чехословацкому легиону³

³ В российских документах и историографии – Чехословацкий корпус: сами

покинуть территорию России (где несколькими неделями ранее он сражался вместе с Красной армией против немцев) и проследовать на Западный фронт через Владивосток и в любой момент могло свое решение аннулировать.

Решение выпустить легион из страны приняли в Москве 15 марта, и на тот момент оно казалось вполне разумным. Присутствие в России 42-тысячного контингента иностранных войск, жаждавшего продолжать войну, из которой сама Россия вышла, было парадоксально, однако, как братья-славяне и до недавнего времени товарищи по оружию, стойко сражавшиеся против общего врага, чехи заслуживали уважения. У Москвы были все возможные мотивы для обеспечения их вывода, но не для их задержки.

Однако в последующие два месяца ситуация изменилась. На границах Маньчжурии и Сибири, в дальнем конце железнодорожной магистрали, по которой двигались чехи, поднял знамя контрреволюции казачий атаман Семенов (о нем будет подробнее рассказано далее). Он был известен как сторонник Антанты, и советские правители вполне обоснованно начали сомневаться в разумности соглашений, ведущих к тому, что на театр военных действий с Семеновым вводилось компактное соединение экспедиционных войск – Чехословацкий легион, – по сути находившееся под командованием Антанты.

чехословаки называли его Русский легион – по месту формирования. (Примеч. ред.)

Эти опасения заставили Москву настаивать на частичном разоружении чехов, дабы они путешествовали не как войсковые части, а как группы свободных частных граждан, имеющих некоторое вооружение для защиты от нападений контрреволюционных сил. В теории каждому эшелону полагалось 168 винтовок с 300 патронами на винтовку и один пулемет с 1200 патронами, но на практике чехи, в хитрости и материальных возможностях всегда превосходившие русских, без труда спрятали в поездах гораздо больше вооружения. Хотя русские считали оружие своим, процесс сдачи некоторого его количества проходил с разногласиями и отсрочками в атмосфере взаимного недоверия. 14 апреля офицеры 1-й чешской дивизии (состоявшей в основном из западных частей) тайно решили больше вообще оружия не сдавать.

К тому моменту развитие событий на востоке еще более ослабило надежды чехов на эвакуацию. Во Владивостоке (где чуть позже продолжительное отсутствие транспортных судов для вывода легиона из России еще больше усилило подозрение Москвы насчет истинной роли чехов в планах империалистов) находилось несколько военных кораблей Антанты, главной обязанностью которых было следить за огромными военными складами в доках и по соседству с ними. Это имущество, общей стоимостью приблизительно один миллиард американских долларов, доставили в Россию союзники, от которых она отступилась. За него не только не было заплачено, но его могли перевезти на Запад, и оно могло попасть

в руки немцев. В отличие от остальной Сибири Владивосток официально не находился под контролем Советов, однако большевики в городе становились все влиятельнее, вели себя все агрессивнее и дерзко пользовались своими преимуществами. Кроме всего прочего они начали систематически вывозить со складов военные припасы товарными поездами.

4 апреля во Владивостоке неизвестные стреляли в троих японских подданных — чиновников конторы, занимавшейся отправкой грузов. Один из них был убит. На следующий день, проконсультировавшись со своим генеральным консулом, японский адмирал высадил двести матросов и морских пехотинцев, а впоследствии отправил им подкрепление. Старший по званию британский морской офицер капитан Пейн приказал сойти на берег пятидесяти морякам корабля ВМС Великобритании «Суффолк». Американский адмирал Найт, подчиняясь приказам из Вашингтона, вмешиваться не стал. Французских военных кораблей в порту не было.

Японцы и британцы всего лишь приняли меры предосторожности, к тому же по инициативе местных властей.

Во Владивостоке сложилась напряженная и неопределенная ситуация, и десантные отряды предназначались для защиты жизни и имущества иностранцев, если события выйдут из-под контроля. Однако уже некоторое время в Москве всерьез опасались вторжения японцев в Сибирь. В марте 1918 года газета «Известия» резко отреагировала на сооб-

щения о высадке десанта, используя такие выражения, как «патриотический долг» и «советская Родина», находившиеся прежде под идеологическим запретом. Причем для народа, традиционно свободного от расовых предрассудков (за исключением антисемитизма), сильнейшее отвращение, с которым русские отзывались об японской угрозе, просто удивительно⁴. Здесь наблюдался полный контраст с покорностью судьбе, проявленной после подписания Брестского мира, по условиям которого германские армии оставались на оккупированной ими территории России. Пожалуй, разгадку этой избирательной ксенофобии дал Троцкий в июне 1918 года, заявив, что если бы ему пришлось выбирать между немцами и японцами, то в качестве завоевателей он предпочел бы первых, так как немцы – более культурный и образованный народ с большим количеством рабочих и, следовательно, более способны к осознанию происходящего – то есть к свержению существующего строя, а значит, революции. Японцы же – совершенно чуждый народ, в России не знают их языка, и японский рабочий класс менее сознателен.

Что бы ни скрывалось за страхом России перед Японией, новости о морском десанте 5 апреля вызвали волну возмущения, смешанного с паникой. В правительственном манифесте в тот день провозглашалось: «Рабочие и крестьяне! Новая страшная угроза грядет с Востока!» Странам Антан-

⁴ Если, конечно, не учитывать печальную память Русско-японской войны с ее большими людскими потерями и отторгнутыми территориями. (Примеч. ред.)

ты по немногим пока открытым полудипломатическим каналам были отправлены яростные протесты. Как неизбежный результат, продвижение чешских эшелонов к Тихому океану еще более замедлилось, а по приказу от 21 апреля совершенно прекратилось.⁵

В Москве известие об инциденте в Челябинске (где чехи уже успели занять железнодорожную станцию и ее окрестности) вызвало сильнейшую реакцию. 20 мая были арестованы два ведущих члена русской секции Чехословацкого национального совета Макса и Чермак. Их заставили подписать телеграмму с приказом всем чешским военным частям сдать оружие советским властям. На следующий день Аралов, заместитель Троцкого в наркомате по военным и морским делам, опрометчиво издал приказ, по которому чехи либо реорганизовывались в трудовые батальоны, либо призывались в ряды Красной армии. 23 мая за его же подписью последовали еще более суровые и точные инструкции: чехов задержать, разоружить и расформировать. А в конце концов, 25 мая, в дело вмешался Троцкий, послав всем местным властям вдоль железнодорожной магистрали телеграмму, категорически запрещающую дальнейшее продвижение на Восток всех чешских эшелонов и предписывавшую – сре-

⁵ Десять дней спустя условия смягчились. Эшелоны, уже находившиеся восточнее Омска, могли следовать дальше. Те, что находились западнее Омска, отправлялись по новому маршруту – в Архангельск для эвакуации из этого северного порта.

ди прочих крутых мер – любого чеха или словака, обнаруженного с оружием в руках, расстреливать на месте. Отсрочка в исполнении этих приказов объявлялась предательством и влекла за собой жесточайшие наказания.

В России контроль над железнодорожной станцией означал контроль над всей информацией, проходящей по телеграфной линии, или как минимум доступ к ней. Поскольку телеграммы из Москвы не шифровались, чехи, находившиеся в Челябинске, оказались в курсе предписаний правительства. Как раз тогда проходил съезд делегатов из ряда других чешских частей, и уже было принято два важных решения: во-первых, объявить циркулярной телеграммой, что легион отныне не будет сдавать никакого оружия до тех пор, пока «мы не получим гарантии свободного выезда»; во-вторых, игнорировать приказ об изменении маршрута поездов, находящихся западнее Омска, и отправке их в Архангельск. (Данный приказ советского правительства фактически в точности отражал стратегию Антанты на тот момент и стал для ее неофициальных московских представителей маленьким триумфом, однако, когда чехам запоздало это объяснили, они так и не увидели ни смысла, ни большой опасности в изменении плана, по которому их войска разделялись на две совершенно оторванные друг от друга части.)

Итак, когда делегаты съезда перехватили угрожающую телеграмму Аралова, они уже были настроены непримиримо, и телеграмма Троцкого от 25 мая, практически объявившая

им войну, убедила их в том, что единственный способ выбраться из России – пробиваться с боями. Соответствующие приказы были разосланы по Транссибирской магистрали в обоих направлениях, и на рассвете 27 мая красный гарнизон Челябинска был без труда блокирован и разоружен.

Повсюду стремительные и решительные действия чехов приносили им аналогичный успех, хотя иногда приходилось вести тяжелые бои. 26 мая был взят Новониколаевск, 29-го – Пенза, 31-го – Петропавловск и Томск, а через неделю пал Омск. В Мариановке и одном-двух других городках чехи понесли потери в неожиданных атаках и засадах, но везде им удалось одержать верх, и ни один их даже самый слабый и изолированный отряд не потерпел поражения.

Можно загнать противника в ситуацию, когда у него не остается другого выхода, кроме как вступить в бой, а именно так поступил Троцкий с чехами. Однако в войне подобная тактика окупается редко. В мае 1918 года советское правительство испытывало давление и угрозы со всех сторон, ощущало нехватку во всем и по вполне понятным причинам находилось в отчаянии, но если бы Троцкий подавил свой воинственный порыв, если бы использовал хитрость вместо силы, то чехи никогда не стали бы (по выражению Ллойд Джорджа и многих других) «определяющим фактором» интервенции Антанты в Сибири⁶. Чехи вовсе не хотели сра-

⁶ Некоторые коммунистические историографы заходят настолько далеко, что

жаться с большевиками. Их солдаты в Сибири, их политические лидеры в Вашингтоне и Париже, их главный покровитель, французское правительство, страстно желали одного и того же – вывести легион из России. Это же было и главной целью советского правительства. С такими многочисленными и мощными факторами в пользу первоначально взятого курса на эвакуацию – хотя бы пока этот курс не противоречил интересам Советов – действия Троцкого по ускорению прямого столкновения были в лучшем случае преждевременными, а в худшем – грубой ошибкой.

Его кровавый приказ от 25 мая ясно свидетельствует о двух обстоятельствах. Во-первых, Троцкий полагал, что разбросанные чешские эшелоны находятся всецело в его власти. Во-вторых, он боялся, что легион представляет или будет представлять опасность для государства. Он ошибался, а если бы и был прав, то есть если бы чехи в конце мая находились в ловушке, ничего бы не изменилось ни через неделю, ни через месяц. Если бы он получил доказательства обоснованности своих страхов, то мог бы в любой момент захлопнуть капкан, а в отсутствие подобных доказательств мог бы на своих собственных условиях позволить чехам медленно тащиться по Сибири. В конце концов, авторитету советской власти в Челябинске они нанесли незначительный урон, и ситуация не выглядела взрывоопасной даже в местных мас-

предполагают, будто Троцкий намеренно спровоцировал чехов, действуя в интересах Антанты.

штабах. Все можно было бы уладить, позволив чехам продолжать их путь. Никаких причин для истерик. Троцкий же в порыве раздражения запустил необратимые процессы, в результате которых большевистская власть была сброшена на Урале и в Сибири и появился повод для интервенции Антанты в этом регионе.

Троцкий заблуждался, его страхи не имели реальных оснований, во всяком случае в тот момент. Его действия, вернее, попытки действий против чехов дали совершенно противоположный результат. Троцкий намеревался ликвидировать незначительную потенциальную угрозу советской власти, но на самом деле создал опасность, которую нельзя назвать ни незначительной, ни потенциальной.

Глава 2

Первые приказы

В 1914 году, вступая в войну против Германской и Австро-Венгерской империй, Франция и Великобритания возлагали большие надежды на своего восточного союзника. Однако очень скоро выяснилось, что «русский паровой каток», несомненно тяжеловесный, плохо сконструирован и ненадежен. Уже через несколько месяцев он норовил катиться назад и требовал огромного количества военных припасов, которые приходилось отрывать от Западного фронта.

Несмотря на это, Россия как воюющая сторона более трех с половиной лет оставалась одной из стен арены, на которой велась окопная война. В штабах Жоффра и Хейга всегда имелась про запас другая карта. На ней желтыми и черными булавками можно было набросать еще более унылую картину, чем та, которую создавали синие и красные булавки ближе к родным пенатам. Все же была и светлая сторона: русский фронт, причем очень длинный, *существовал* и сковывал сотни тысяч вражеских солдат, которым противнику приходилось целыми составами постоянно подвозить продукцию задыхавшихся фабрик и заводов: винтовки, патроны, снаряды, сапоги, перевязочный материал, велосипеды, упряжь и выючные седла, лекарства и хирургические ин-

струменты, колючую проволоку и полевые телефоны, кирки и лопаты, короче, все то войсковое имущество, которое армии не могли ни смастерить сами, ни реквизировать у населения. Русский фронт, даже когда дела шли хуже некуда, неизменно отвлекал на себя внимание германского Верховного командования, и с самого начала войны именно этот непреложный факт накладывал отпечаток на планы, строившиеся в лагере западных союзников.

Именно поэтому Франция и Великобритания с недоверием, тревогой и возмущением наблюдали за неожиданным выходом России из войны. 8 ноября 1917 года, после захвата большевиками власти в Петрограде, «рабочее и крестьянское правительство... опиравшееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», ставшее *de facto* властителем России, призвало все воюющие стороны «начать немедленные переговоры, о справедливом и демократическом мире». Через три недели германское правительство дало благоприятный ответ, а через шесть недель Россия подписала перемирие с центрально-европейскими державами⁷ в Брест-Литовске, и бои на Восточном фронте прекратились. Они снова разгорелись в середине февраля, когда мирные переговоры сорвались и германские войска перешли в наступление, практически не встречая никакого сопротив-

⁷ Имеются в виду Германия, Австро-Венгрия и их союзники. Колчак употребил такое имевшее хождение в то время определение – «союз срединных империй». (Примеч. ред.)

ления. Когда же наконец 3 марта 1918 года в Брест-Литовске заключили мирный договор, Германия (тем временем заключившая сепаратный мир с новым правительством Украины) занимала прибалтийские земли, большую часть Белоруссии, всю Украину, Крым, Южную Россию вплоть до реки Дона. Разумеется, необходимо было управлять этими территориями, ставить гарнизоны и вывозить ценности, однако для выполнения этих задачгодились и вспомогательные войска, а потому зимой 1917/18 года германское Верховное командование смогло перевести с Восточного фронта на Западный около сорока передовых дивизий. Вместе с ними было переброшено огромное количество вооружений: вся артиллерия, авиация, танки и другое снаряжение, предназначенное для фронта, прекратившего свое существование.

Триумф большевизма был политическим феноменом, все аспекты которого вызывали отвращение в бывших союзниках России, однако самые непосредственные и пока самые важные его последствия вне России носили военный характер. 21 марта 1918 года немцы осуществили свое последнее и самое мощное наступление на Западе, жертвой которого пала 5-я британская армия. Рухнул весь Западный фронт. Париж подвергся обстрелу дальнобойной артиллерии. И словно прорвало плотину – газеты снова затопило напечатанными мелким шрифтом бесконечными списками погибших. В эти недели безнадёжного отчаяния и зародилась идея интервенции. То же самое случилось бы, если бы большевики бы-

ли буддистами, или либералами под руководством Гладстона, или кем бы то ни было. Интервенция вызрела из того, что казалось военной необходимостью, из ситуации, грозившей неминуемым поражением.

Советские историки, как язвительно отмечает Кеннан, предпочли проигнорировать эту истину, отбрасывая, искажая или же изобретая необходимые доказательства, дабы «поставить исторические факты с ног на голову и создать картину, в которой реальные события того периода становятся абсолютно непонятными». Они стремились представить интервенцию как империалистический заговор, легкомысленный и беспринципный одновременно, спровоцированный завистью, жадностью и страхом и поставивший целью задушить в зародыше Советское государство. В этой карикатуре можно узнать интервенцию, какой она *стала*, но первопричины неудачной политики лежали – и сей факт невозможно оспорить – в крайней необходимости возместить колоссальные потери, понесенные союзниками России из-за ее дезертирства.

Надо признать, что к осени 1917 года, еще до того, как большевики вырвали власть у Временного правительства, русские армии пали духом, а в народе недоумение и покорность судьбе уступили место апатии. Наблюдалось открытое недовольство. Руководство не справлялось со своими задачами. Однако даже учитывая все это, оспаривать важность того, будет ли Россия продолжать сопротивление или сложит

оружие, означает упускать два существенных момента.

Первый: противник, отказывающийся признать поражение, даже когда ему явно грозит разгром, остается по меньшей мере помехой и во избежание неблагоприятнейших последствий должен быть уничтожен (эта проблема встала перед Гитлером на побережье Ла-Манша двадцать три года спустя). К осени 1917 года немцы далеко продвинулись в уничтожении России, однако в свое время то же случилось и с Наполеоном. Обговаривая условия (кои в данном случае диктовались немцами), советские лидеры выбрали единственный курс, который полностью развязывал германскому Верховному командованию руки на Востоке. Причем Советы действовали столь поспешно, что у немцев осталось более четырех месяцев на передислокацию войск перед новой военной кампанией.

Второе важное обстоятельство: ни Франция, ни Британия не сознавали и даже отдаленно не представляли, насколько плохо обстояли дела в России в 1917 году. Оба правительства получали тревожные доклады от своих представителей в Петрограде и других местах, но уже давно все известия из России были тревожными, а в год Пашенделя и Капоретто⁸ союзники были склонны рассматривать события в России с некоторым безразличием и, может, даже испытывали

⁸ Капоретто – населенный пункт в Северо-Восточной Италии, около которого в октябре 1917 г. итальянская армия была разбита германо-австрийскими войсками. *(Примеч. пер.)*

в том потребность. Они немножого ждали от России. Но они не ожидали самого худшего. Так что, когда наихудшее случилось и союзники вдруг увидели, что отныне Германия может сражаться с ними обеими руками, они не собирались ни делать скидок новой России, ни признавать, что старая находилась на грани разорения и истощения и не явилась большой потерей. Вспоминая огромные надежды, которые они когда-то возлагали на Россию, торжественные договора, подписанные с ней, и предоставленную ей огромную финансовую и материальную помощь, союзники видели в нарушении ею обязательств обыкновенное предательство и вскоре почти убедили себя в том, что это непредвиденное развитие событий, столь благоприятное с точки зрения Германии, вызвано немецкими заговорами и подкупом.

Оба эти предположения ошибочны. Ленин, Троцкий и их соратники не были заинтересованной стороной в войне. Поскольку в их идеологии не оставалось места концепции преданности империалистическим союзникам, разговоры о предательстве были выше их понимания – подобные обвинения казались этим фанатикам скорее несерьезными, чем обличительными.

Однако чисто по-человечески западные союзники не могли не формулировать подобные теории и делать из них выводы. Отсюда, основываясь на страшных реалиях войны, следовало создавать такую моральную и эмоциональную атмосферу, в которой безотчетно лишь на советское правитель-

ство возлагалась бы вина за любые неудобства, связанные с восстановлением в России антигерманского фронта, который она своевольно разрушила.

До бесславного провала 1920 года интервенция прошла путь от скромного начала за Полярным кругом до полудюжины театров военных действий. В каждом случае мотивы и поводы у союзников были разными, так же как их роль и ответственность. Их поддерживало и им противостояло поразительное множество политических и национальных групп. В Баку, например, британские войска сражались бок о бок с армянскими революционерами, тщетно пытаясь спасти город от турок. В Прибалтийских государствах в 1919 году в пеструю толпу антибольшевистских сил, напрямую или косвенно получавших выгоду от интервентской политики Британии, входили и немецкие добровольцы. Единственная характерная общность всех этих театров военных действий настолько очевидна, что ее легко можно проглядеть. Речь идет о *доступности* – Антанта вторгалась в Россию везде, где это было физически возможно сделать.

В период войны застой неестественен, слабость неприлична – комбинация этих двух составляющих почти всегда способствует появлению заумных необоснованных планов, нацеленных на продолжение войны окольными путями. Зимой 1917/18 года союзные державы не могли собственными силами снова открыть Восточный фронт против Германии и

неизбежно начали изыскивать альтернативный способ достижения того же результата. Не прошло и двух месяцев после большевистской революции, как военные представители Верховного военного совета рекомендовали «непременно оказывать поддержку всем национальным группам (в Южной России), полным решимости продолжать войну, всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами», и первые двадцать из многих миллионов фунтов стерлингов отправились в карманы казацких и украинских лидеров. Из этих лидеров самым известным – пожалуй, уместнее сказать модным – был казацкий атаман Каледин, хотя, как докладывал с места событий один британский офицер, калединское войско (насчитывавшее в начале декабря две роты с обещанием сформировать еще три) было «абсолютно никуда не годным и дезорганизованным». Дело в том, что Каледин, человек честный, был лидером местного значения, заинтересованным лишь в обеспечении автономии для своей казацкой родины на Дону, но ни в коей мере не стремился «продолжать войну», и выбор его кандидатуры союзниками в качестве их первого *протезе* на русской земле нельзя назвать удачным.

Правда, существовал неопределенный проект создания где-то в Южной России некоего бастиона или плацдарма, на который будут направляться или вокруг которого будут объединяться румынская армия, украинцы, выходцы из Закавказья и кто угодно, кого военные представители Верховного

военного совета довольно оптимистично называли «нашими друзьями в России»⁹. В этой политико-стратегической фантазии центральная роль отводилась территории донских казаков. Хотя представители британского правительства в России настойчиво предупреждали, что Каледину и его казакам ни в коем случае нельзя доверять, в декабре 1917 года британское Военное министерство вынесло решение выделить атаману «финансовую помощь в любых необходимых размерах», что свидетельствовало об отчаянии, господствовавшем в высших сферах.

В течение всего периода интервенции неизменно существовало расхождение между тем, что политики намеревались сделать, и тем, что происходило на самом деле. Перевод денег в штаб Каледина на Дону представлял технические трудности, и до 11 февраля 1918 года, когда Каледин, растеряв большинство своих казаков, пустил себе пулю в лоб, он так ничего и не получил ни из Лондона, ни из других столиц западных союзников.

Решение поддержать Каледина приняли в Лондоне 3 декабря 1917 года. Три дня спустя британский посол в Токио отправил в министерство иностранных дел необычную

⁹ Представление о надеждах и заблуждениях, преобладавших в то время, дает послание, отправленное в Военное министерство британским военным представителем на Кавказе 1 января 1918 г. К апрелю этот офицер докладывал, что существует надежда создать новую армию из шести корпусов, состоящих из грузин, армян, русских добровольцев, ассирийцев и греков.

просьбу от имени некоей высокопоставленной особы. Его русский коллега, докладывал сэр Коннингэм Грин, привел в британское посольство бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Александра Васильевича Колчака. Адмирал Колчак официально предоставил себя «без всяких условий и в любом качестве в распоряжение правительства Его Величества» и выразил желание «сражаться, если возможно, на суше на Западном фронте и, если потребуется, в чине рядового».

Судя по тому, что этим благородным предложением занялся лично министр иностранных дел (12 декабря Бальфур запросил мнение адмиралтейства по этому вопросу), Лондон воспринимал Колчака серьезно. В отличие от Каледина, о характере и способностях которого практически ничего не было известно, Колчак имел отличную репутацию. Молодым офицером он отличился в исследовании Арктики, храбро сражался в Русско-японской войне, а в последующие годы, оставаясь в тени, играл ведущую роль в реорганизации адмиралтейства в Петрограде. Во время войны против Германии русский военный флот, запертый в Балтийском и Черном морях, имел мало возможностей для исправления своей репутации, пострадавшей в начале века в войне с Японией, однако выдающиеся способности Колчака как командующего были отмечены званием контр-адмирала в возрасте сорока трех лет, что было беспрецедентно для России¹⁰.

¹⁰ Прецеденты были. М.П. Лазарев контр-адмирал – в 38 лет, П.С Нахимов – в

Год спустя, в июне 1916-го, он получил чин вице-адмирала и был назначен командующим Черноморским флотом, где проявил и военный, и административный таланты. Когда под натиском революции дисциплина на флоте в конце концов рухнула, Колчак сложил с себя обязанности командующего, но наградного оружия не сдал, демонстративно бросив за борт золотую саблю во время общего собрания на палубе флагманского корабля. Затем адмирал принял приглашение военно-морского департамента США возглавить небольшую техническую миссию в Америку. Он возвращался в Россию через Тихий океан, когда его настигли новости о большевистской революции и грядущем выходе России из войны. Телеграмма из британского посольства в Токио отразила его реакцию на эти новости.

43, В.И. Истомина – в 42, С.О. Макаров – в 42 и др. Заметим, однако, что и Колчак, подобно им, получал свои чины за действительные отличия, а не «по случаю», не по связям. Командующий Балтийским флотом Н.О. Эссен перед смертью весной 1915 г. считал Колчака своим естественным преемником, однако именно по «молодости» и недостатке связей на самом верху Колчак этого, особо престижного, назначения не получил. (*Примеч. ред.*)

Карта № 1. Театры военных действий интервенции.

Колчак обладал сильным чувством персональной ответственности. Свои услуги британскому правительству он предложил, как объяснял позже, потому, что «считал своим долгом, как один из представителей бывшего правительства, выполнить обещание союзникам; что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению союзников, являются и моими обязательствами... и что поэтому я считаю необходимым выполнить эти обязательства до конца и желаю участвовать в войне, хотя бы Россия и заключила мир при большевиках».

В то время русские офицеры были склонны к театральным поступкам, однако просьба Колчака позволить ему «сражаться, если возможно, на суше на Западном фронте и, если потребуется, в чине рядового» была высказана не ради внешнего эффекта. Как он говорил на допросе два года спустя, «я знал хорошо английский флот, знал, что английский флот, конечно, не нуждается в нашей помощи... Затем, на что же я мог надеяться, идя в их флот? Я был командующим Черноморским флотом. Я бы пошел на какие угодно условия, но сами англичане, которые меня хорошо знают, были бы в ложном положении. Если бы я был молодой офицер, то меня бы могли назначить на какой-нибудь миноносец, но тут создалось бы нелепое положение. Вот почему я подчеркнул,

что желаю идти в армию, хотя бы простым солдатом». Честность мотивов Колчака вне сомнений.

29 декабря министерство иностранных дел официально приняло предложение Колчака и через британского посла сообщило, что в ближайшее время будет решено, где его можно использовать с максимальной пользой. Тем временем Военное министерство (которое на всех этапах активнее других правительственных учреждений интересовалось интервенцией) взяло судьбу Колчака в свои руки, и в начале января 1918 года посольство в Токио получило просьбу обеспечить его путешествие в Месопотамию.

Какую именно службу имел в виду для Колчака Генеральный штаб, теперь неизвестно и вряд ли когда-либо прояснится, однако в те самые дни, когда рассматривалось предложение Колчака, в Лондоне приняли решение отправить из Багдада на Кавказ военную миссию под руководством генерала Денстервила. Отряд англичан под командованием Денстервила, как выяснилось позже, должен был взаимодействовать с маленьким, но отважным русским контингентом в Северной Персии, отказавшимся признать Брестское перемирие. Вполне вероятно, Колчаку отводилась некая роль в этом смелом предприятии, главной целью которого было не дать туркам захватить контроль над бакинскими нефтяными скважинами и создать на берегах Каспийского моря плацдарм для наступления на Индию.

С двумя из четырех морских офицеров, сопровождавших

его из Америки, Колчак сел на первый же корабль, направлявшийся из Иокогамы в Шанхай. Там, в ожидании следующего рейса, ему пришлось задержаться на три недели, в течение которых его дела опять привлекли внимание министерства иностранных дел. В первые дни февраля 1918 года князь Кудашев, русский посол в Китае, обратился к британскому послу сэру Джону Джордану. По словам князя, он хотел проконсультироваться с Колчаком насчет Сибири и спрашивал, нет ли возможности привезти адмирала в Пекин. Колчаку, задержавшемуся в Шанхае, передали это предложение, но он не заинтересовался и ответил, что собирается в Месопотамию и не может менять свои планы без санкции британского правительства, приказам которого считает себя обязанным подчиняться. Тогда Джордан передал просьбу Кудашева в Лондон.

Министерство иностранных дел, а вероятно, и Военное министерство все еще стремились как можно быстрее доставить Колчака в Месопотамию. 10 февраля соответствующее послание передали адмиралу в Шанхай по британским консульским каналам. Начальник военной разведки, на том этапе руководивший передвижениями Колчака, возможно, в целях безопасности не известил Гонконг о приезде выдающегося добровольца, и по прибытии в порт адмирал столкнулся с неприятной необходимостью отмечаться в полиции каждый раз, как он сходил на берег.

Следующим портом захода был Сингапур. Адмирал до-

стиг его 11 марта, и к этому моменту Военное министерство изменило свое решение. «Ваше тайное присутствие, – телеграфировал начальник военной разведки, – более желательно в Маньчжурии». Ситуация на Дальнем Востоке изменилась: князь Кудашев и акционеры Китайско-Восточной железной дороги хотели видеть адмирала в совете директоров. Это известие недельной давности передал Колчаку командующий британскими владениями на полуострове Малакка генерал Ридаут. Адмирал разгневался.

Он вызвался добровольцем сражаться на стороне стран Тройственного согласия, предпочтительно на Западном фронте, а не заниматься нелегально коммерческой деятельностью на китайской территории. Смешно предполагать, что один из самых известных военных деятелей России сумел бы сохранить инкогнито в большой русской колонии в Маньчжурии. А если его присутствие там было действительно необходимо, то почему британцы не смогли предвидеть это месяц назад, когда Колчак и двое его спутников находились в Шанхае? Князь Кудашев тогда обращался к британцам, но они отвергли его просьбу и вынудили Колчака – за его собственный счет – обойти морем пол-Азии. Адмирал действительно имел все основания для гнева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.